

дку, коли людина відповідає Богові на його любов, вона отримує вічне існування, бо любов досягає свого апогею: Бог любить своє творіння, людина любить свого Творця. З іншого боку, можливе розумне визнання буття Бога. Однак Морітен стверджує: «Одно дело – знать Бога как трансцендентное высшее Я и совсем другое — самому со всеми своими познаниями, со своим существованием, со своей плотью и кровью вступить в живую связь, в которой сотворенная субъективность сталкивается лицом к лицу с трансцендентной субъективностью и, трепеща и любя, ищет в ней спасения» [4, с. 47].

Таким чином, дослідження питання співвідношення філософії та християнства відкривають глибокі першоджерела формування антихристиянської та антифілософської позиції Ніцше. Проблема полягає в тому, що Ніцше на підсвідомому рівні, відкидаючи християнство і філософію, відкидає їх псевдодвійників. Адаже питання про співвідношення філософії та християнства показало наявність проблеми, що існує як у християнстві, так і у філософії. Ця проблема полягає в тому, що на історичному етапі свого розвитку в християнство потрапила філософія, а у філософію – християнська концепція світоспоглядання. Синтез двох форм суспільної свідомості, на жаль, не відбувся в тій мірі, яку потребує рівень теоретичного мислення. Тому Ніцше своєю критикою зумовлює повернення до проблеми співвідношення філософії і християнства. Сам же Ніцше ототожнює їх, критикуючи філософію за підпорядкованість християнським моральним цінностям. Дана проблема досить актуальна і потребує подальшого поглибленого аналізу в дисертаційному дослідженні.

Бібліографічні посилання

1. **Біблія**, або книги Святого Письма Старого й Нового Заповіту. – К., 2004. – 1375 с.
2. **Жильсон Э.** Философия в средние века / Э. Жильсон. – М., 2010. – 678 с.
3. **Зеньковский В.** Христианская философия / В. Зеньковский. – М., 2010. – 1072 с.
4. **Маритен Ж.** Величие и нищета метафизики. – М., 2004. – 608 с.
5. **Маритен Ж.** От Бергсона к Фоме Аквинскому: очерки метафизики и этики / Ж. Маритен. – М., 2006. – 216 с.
6. **Ницше Ф.** Антихристианин / Ф. Ницше // Сумерки богов. – М., 1990. – С. 17–93.
7. **Ницше Ф.** Веселая наука / Ф. Ницше. – М., 1990. – Т. 1. – С. 491–719.
8. **Шелер М.** Ресентимент в структуре моралей / М. Шелер. – СПб., 1999. – 231 с.
9. **Ясперс К.** Ницше и Христианство / К. Ясперс. – М., 1994. – 114 с.

Надійшла до редколегії 25.01.11

УДК 141.8

Р. А. Евтушенко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ОБРАЗОВАНИЕ, ЛИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА: ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Представлено історичний погляд на цінність освіти у житті особистості та бутті культури у різні культурно-історичні епохи.

Ключові слова: освіта, особистість, культура, університет, влада, комунікація, соціум.

Представлен исторический взгляд на ценность образования в жизни личности и бытия культуры в различные культурно-исторические эпохи.

Ключевые слова: образование, личность, культура, университет, власть, коммуникация, социум.

© Евтушенко Р. А., 2011

Provides historical view on the value of education in the life of the personality and being of culture in various cultural-historical epochs.

Keywords: education, personality, culture, university, power, communication, society.

Актуальность темы. Вопрос об отношении к образованию является важнейшим в жизни социума и в целом культуры. Выработка культа образованного человека, совершенствование образовательных систем способствует прогрессу жизни и видоизменению самой культуры. Образование, взятое в онтологическом и аксиологическом аспектах, является фундирующим основанием культуры. Однако в социуме, как воплощении конкретного бытия культуры, отношение к данному основанию может быть иным, чем в самой культуре – система образования может быть нацелена на обеспечение потребностей идеологически контролируемого социума, а не на развитие способностей индивида, утверждение его в качестве уникальной и неповторимой индивидуальности, формирование его как субъекта культуры. Отсюда вытекает, что понимание сути образования, его роли и назначения актуально для каждого человека, гражданина, стремящегося найти свое место не только в социальной системе, но, и в то же время – взыскующего самоопределения себя в качестве субъекта культуры. Также важно отметить, что судьбы культуры во многом зависят от самосознания человека, понимания себя как ответственного за происходящее в целом мире. Поэтому рассмотрение отношения к образованию в аспекте формирования личностной позиции человека, осознающего ответственность за свой выбор, является перспективным направлением исследовательской деятельности.

Personalia. В рефлексивном поле западной философской, и шире – культурологической, – мысли данная проблематика широко была представлена в работах таких выдающихся философов XX века, как А. Швейцер, Х. Ортега-и-Гассет, М. Шелер, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Х.-Г. Гадамер, Ж.-П. Сартр, М. Фуко и др. Интенсивный поиск ответов на поставленные бурными и до конца не предсказуемыми событиями ушедшего века вопросы отражен и в трудах религиозных мыслителей: К. Барта, П. Тиллиха, Р. Бульмана, Ж. Маритена, Г. Марселя, Г. Кюнга. Не иссякает интерес к данным вопросам и в настоящее время: полемика об эффективности образовательных систем по-прежнему будоражит умы ученых, политиков, философов как на Западе, так и в постсоветских независимых государствах.

Основная часть. В глубочайшей древности образование мыслилось как условие утверждения человека в становящем социуме. Известно, что древние высоко ценили всевозможные знания, считали ниже своего достоинства прослыть невеждами. Так, Ксенофонт отмечал, что люди, получая образование, «научаются тому, в чем заключается доблесть, становятся отличными, в высшей степени полезными деятелями: они делают величайшими благодетелями человечества. Но, оставшись без образования, невеждами, они бывают очень дурными, вредными людьми: не будучи в состоянии разобраться, в чем заключается должное, они часто занимаются преступными делами; они горды, заносчивы, трудно их удержать или отклонить от задуманного, поэтому они становятся величайшими врагами весьма многим. ...Только дурак также воображает, будто он, ничего не зная, лишь благодаря богатству заслужит имя человека на что-то годного, или при имени ни на что не годного человека приобретет славу» [4, с. 150]. Как видим, утверждение человека в жизни социума мыслилось как зависимое от обретаемого им образования, что, в свою очередь, создавало ему имя, обеспечивало признание в обществе. Образование, таким образом, потребность человека, который мыслит себя как значимая личность, и благодаря чему становится влиятельной в среде человеческого сообщества. Согласно Ксенофону, каждый человек нуждается в знании самого себя, от этого зависит и его отношение к другим людям. «...Кто не знает себя и имеет ошибочное представление о своих способностях, тот находится в таком

же положенні і по отношенню во всем людам, и ко всем человеческим делам» (см. [4, с. 158]).

Поняття образования також широко використовується Платоном; в притче о пещере розкривається його значимість. Слово παιδεία отсылаєт к изменению всего человека в его существе; образование єсть одновременно и формирование и руководство определенным образцом. Подлинное образование изменяет и захватывает душу человека. Существенно, что Платон вводит и понятие необразованности, которое, в сопряжении с образованием, также характеризует человеческое бытие в его основе (см. [9, с. 350]). М. Хайдеггер подчеркивает, что у Платона понятие образования сливалось в сущностное единство с понятием истины (ἀλήθεια), которое для западного мышления означает не просто соответствие между мыслительным представлением и вещью, но представляет собой непотаенность, не-сокрытость, и личностное самоопределение достигается посредством преодоления необразованности, овладением непотаенностью, открытием истины, от бытийной слиянности, с которой можно было погибнуть, как это имело место в жизни Сократа (см. [9, с. 351]).

Назначение человека в понимании древних – быть значимой в социуме личностью, грамотно и осведомленно разбирающейся в его делах. Общество, его слаженная жизнь, мыслилась как обусловленная квалифицированными действиями образованных индивидов. Такая связь между индивидом и государством, институтом, организующим жизнь целого социума, получила название идеальной модели в учении Платона. «Идеальной моделью» востребовались те способности индивидов, которые укрепляли бы защитные функции социальной системы. Однако же культура нуждалась в проявлении творческого потенциала личности, что способствовало совершенствованию и самой системы. В этом истоки противоречия: система ограничивала возможности самореализации индивидов, а культура, напротив, их инициировала, побуждала к выявлению их уникальных способностей. Отсюда та важная роль, которая отводилась созиданию культурных ценностей, скрепляющих жизнь многих граждан в единое целое: мужество, воинская доблесть, справедливость, образованность и т. д. Именно ценности аккумулировали индивидуальныє достижения отдельных граждан, и формировали само пространство культуры. Так, Птоломей, сподвижник Александра Македонского, заявлял, что завоеватели той или иной страны в первую очередь уничтожают культурные, исторические ценности, ибо они объединяют народ. Таким образом, культура мыслилась в качестве интегрирующей силы социума, основанием которого являлось человеческое начало, взглянувшее в себя самого, постигавшее себя в ракурсе своего самоопределения в социальной среде. Рефлексия, направленная вовнутрь, на себя самого, свои мысли и поступки – вот то, что позволяло человеку свершить правильный выбор, не заблудиться в лабиринте социальных перипетий и пристрастий своей природы. Не случайно позже М. Т. Цицерон скажет: «Культура ума єсть философия».

Вместе с тем философия, средоточием которой было самопознание, изначально оказывалась в двусмысленном положении, ибо колебалась между духом тайны и характерным для политической деятельности духом противоречивых публичных дебатов (см. [1, с. 79]). Стало быть, предоставляя человеку возможность разобраться в самом себе, философия искушала его достойным местом в жизни полиса, формировала в нем потребность в управлении городом-государством на основе знания, которое возвышало его над другими людьми. Образование изначально обнаруживает свойственную и современному его формам противоречивость: с одной стороны, оно являлось способом созидания человеком самого себя на основе заложенных природой способностей, а с другой – будучи регулятором потребностей социума, обеспечивающим существование социальной системы, ее самосохранности, – сдерживало творческое волеизъявление личности. Уникальные качества индивида, если они не были направлены на закрепление существующей социальной системы, становились не только не востребованными, но и нежелательными для нее проявлениями и

подлежали искоренению. Иначе говоря, востребованность уникальных способностей индивидуальности оказывается ограниченной рамками той или иной модели социума, ибо власть стремится утвердить такую систему образования, которая прежде всего обеспечивала бы нужды социума. Однако же человек, взятый сам по себе, будучи заинтересованным прежде всего в себе самом, утверждении себя как субъекта культуры, оказывается в противоречии с собой, как востребованным социальной системой. Социальную систему не интересует, что думает человек, какие его духовные потребности, что представляют его творческие интересы; важнейшими качествами индивидуальности признаются те действия, которые наряду с другими определяют функционирование системы, можно сказать, свершаемые по правилам, будучи ожидаемыми. Такие действия, прежде всего, направлены на самосохранение индивида, улучшение условий своей жизни. Поэтому в социальной системе, в сфере человеческой коммуникации возникает, как это будет показано в XX в. М. Хайдеггером, безразличная понятливость, толки и т. п., что, в конечном счете, ведет к нивелированию индивидуальности, порождению усредненной среды, мира *das Man*, в котором стандартизация поведения признается нормой жизни. Образование в таком мире подпадает, как утверждал Хайдеггер, под диктатуру публичности.

Зародившееся в античности противоречие между потребностью в самореализации человека и регламентирующими нормами полиса (социума) обнаруживает себя и в последующие культурно-исторические эпохи. Так, в средневековье, в период христианизации европейской культуры, образование выполняло функцию духовного развития человека, формируя в нем те качества, которые могут быть признаны как сакральные. Духовная деятельность рассматривалась в это время в качестве основополагающей в становлении личности. Идея трансцендирования внутреннего содержания человеческого бытия преобладает над признанием обусловленности действий человека, как природным, так и социальным миром. В этот период утверждается интенция на образованность, и все больше усиливается разрыв между культурой простонародья и культурой образованных. Невежественные, неграмотные именовались *illitteratus*, что носило оттенок социальной неполноценности (см. [3, с. 62]). В целом в средневековье преобразуется человеческое общество – на его арену выходит интеллигент, который пользуется своими способностями, своим умом. Свобода волеизъявления на основе саморефлексии мыслится как обуславливающая жизнедеятельность человека. Таким образом, структура действий человека определялась не столько внешними, сколько внутренними факторами. Личностное начало становится фундаментом жизни как социума, так и культуры в целом. Это самым существенным образом повлияло на судьбы европейской цивилизации, ее динамический дух во многом был задан христианством, и, как известно, истоки европейского гуманизма оказались глубоко укорененными в средневековье.

В этом плане важную роль сыграла складывающаяся в средневековье многоступенчатая система образования: от монастырских и соборных школ до университетов, сосредотачивающих интеллектуально одаренных людей. Центром образования становятся университеты. Возникнув из движения, носившего светский характер, университеты длительное время отстаивали свою независимость от института церкви, что выражалось в ограничении контроля с ее стороны и корректировки программного обеспечения. Однако идея светского образования так и не получила должного развития, а университеты, освободившись от зависимости местной церкви, угодили в зависимость от института папства. Оказавшись в тисках контролирующей инстанции, университетские корпорации так и не смогли преодолеть зависимости от церкви (профессорами в университете могли быть лишь те, кто принимал материальную поддержку церкви) (см. [5, с. 92, 127]). Таким образом, хотя христианская церковь и инициировала пробуждение Духа, способствовала определению мотивации личности, все же потребность сохранности ее института в культуре диктовала утверждение таких предписаний, которые ограничивали бы волеизъявление граждан. Такое проти-

воречие доводило личность до критической черты, когда выбор служения Богу оказывался несовместимым с выбором поиска истины.

В эпоху Возрождения и Новое время образование становится фундаментом самоутверждения личности. Светское образование, впитавшее в себя дух элитарности, основывалось на признании разума как законодательной инстанции, на утверждении естественных прав личности и свободе профессионального выбора. Знания, таким образом, позволяли устанавливать господство человека над миром, занимать привилегированную позицию. На этом фоне возникает конфликтное отношение внутри регламентирующих образование форм, отношение между религиозным и светским началами, которые, несмотря на свои различия, функционально были сходными, а содержательно – различными.

Заложенная Просвещением образовательная установка на приобщение индивида к достигнутым знаниям инициировала развитие способностей личности, способствовала формированию умений пользоваться собственным умом. Условием как личного, так и общественного, прогресса жизни начинает мыслиться образующий себя индивид, вступивший на путь обретения все большей свободы (см. [2, с. 103–106, 260–283]). В конечном счете, происходит инверсия: развитие культуры определяют те, кто, расширяя пространство своей свободы, занимают господствующее, привилегированное положение в социуме. Образование все больше подчиняется нуждам социальной системы. Цивилизация, таким образом, рождает феномен массового духовного производства. В итоге появляется тот тип человека, который был назван Х. Ортегой-и-Гассетом интеллектуальной чернью, диктующей свое право на вульгарность и посредственность. В науке все чаще утверждаются бездарности, обладающие достаточной энергией и волей к самоутверждению. Что же касается непосредственно образования, то оно приобретает утилитарно-прагматический характер, функции его сводятся к информационному освоению знаний. Производство знаний, поставленных «на поток», «индустрия знаний», служащая социальному и техническому прогрессу, имеет своим следствием утрату общей перспективы жизни, растущую изо дня в день несвободу и тупость (см. [10, с. 16]). Анализируя происходящее с образованием в различных странах, М. Шелер приходит к убеждению в том, что причины негативных явлений в этой сфере лежат в фундаментальной противоположности между властью и духом (см. [10, с. 18]). Истинная демократия должна находиться на службе духа и образования, а не стремиться властвовать над ним. В ином случае образование регламентируется потребностями конкретной социальной системы, легитимируется ею, и тем самым задает определенные параметры для самореализации человека в качестве личности. Но человек, как родовое существо, несводим к личностному самоопределению; смысловая наполненность жизни и перспективы реализации его способностей коррелятивно сопряжены с креативными потенциями культуры, его назначение – быть субъектом культуры. Утверждение человека в таком качестве влечет к повышению требований к самому себе и к реально существующему социуму. Отсюда – неизбежный конфликт между властью и духом, регламентирующими образование институтами и собственно самой культурой, востребующей творческой, созидательной деятельности каждого.

Отметим, что усиление контроля за образованием – характерная черта современной цивилизации. Так, Г. Маркузе заявляет о склонности современной эпохи к тоталитарности, о появлении новых форм подавления свободы личности и тенденции к нарастанию репрессивности с тем большей энергией, чем меньше нужда в ней (см. [7, с. XI, XXIV]). А согласно мнению М. Фуко, образование «следует курсом, который характеризуется дистанциями, оппозициями и социальными битвами. Любая система образования является политическим способом поддержания или изменения форм присвоения дискурсов» [8, с. 74].

Выводы. Общества, вступающие на путь обновления, социального прогресса и культурного развития ставят в качестве важнейшей цели образования формирование личности как субъекта культуры. Эффективным основанием реформирования образования может стать следующее: многообразие образователь-

ных систем; личность, осознающая возможности самореализации в условиях конкретной социальной системы; сформированная культурой ценность образования, а также – способность граждан к противостоянию репрессивным формам тотальности. Следует признать правоту М. Мамардашвили, который писал: «Прогресс определяют только автономные, независимые люди, которые сумели отвоевать для себя и своего дела особую духовную экстерриториальность, формально оставаясь в рамках системы» (см. [6, с. 195]).

Библиографические ссылки

1. Вернан Ж. П. Происхождение древнегреческой мысли / Ж. П. Вернан. – М., 1988.
2. Гегель Г. Феноменология духа / Г. Гегель. – СПб., 1992.
3. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / А. Я. Гуревич. – М., 1990.
4. Ксенофонт. Сократические чтения / Ксенофонт. – СПб., 1993.
5. Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в средние века / Ж. Ле Гофф. – Долгопрудный, 1997.
6. Мамардашвили М. Если осмелиться быть... / М. Мамардашвили // Как я понимаю философию. – М., 1990. – С. 195–205.
7. Маркузе Г. Эрос и цивилизация / Г. Маркузе. – К., 1995.
8. Фуко М. Порядок дискурса / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М., 1996. – С. 47–96.
9. Хайдеггер М. Учение Платона об истине / М. Хайдеггер // Время и бытие. – М., 1993. – С. 345–361.
10. Шелер М. Формы знания и образования / М. Шелер // Избранные произведения. – М., 1994. – С. 15–56.

Надійшла до редколегії 12.01.11

УДК 165.62

О. Н. Заец

Український державний хіміко-технологічний університет

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

На основі історико-філософського аналізу екзистенціальних та феноменологічних підходів до проблеми свідомості показано їхню обмеженість, а також виділено тенденцію сучасної філософської антропології до дослідження онтології свідомості як мовлення, дорефлексивного мислення.

Ключові слова: свідомість, онтологія, феномен, дорефлексивне мислення.

На основе историко-философского анализа феноменологических и экзистенциальных подходов к проблеме сознания показана их ограниченность, а также выделена тенденция современной философской антропологии к изучению онтологии сознания как речи, дорефлексивного мышления.

Ключевые слова: сознание, онтология, феномен, дорефлексивное мышление.

On the basis of historical and philosophical analysis of the phenomenological and existential approaches to the problem of consciousness their limitations are shown, as well as the tendency of contemporary philosophical anthropology to the research of the ontology of consciousness as discourse, pre-reflective thinking is found.

Keywords: consciousness, ontology, phenomenon, pre-reflexive thinking.